

Небольшое кафе, расположенное возле самого перрона на Ленинградском вокзале в Москве, не бывает заполнено посетителями. Это кафе довольно дорогое, и озабоченные пассажиры в основной массе предпочитают расположенную рядом, в большом зале, многолюдную забегаловку, где можно в ожидании поезда глотнуть обжигающе горячий кофе и съесть вчерашний бутерброд с ветчиной.

Здесь же, в этом кафе, кофе получше, бутерброды посвежее, и принесет их на столик посетителю одна из двух скучающих за стойкой официанток.

И сейчас, в шестом часу вечера, в кафе было всего трое посетителей.

За угловым столиком миниатюрная интеллигентная старушка в сером приталенном твидовом пальто и в черной шляпке с кокетливым перышком маленькими глотками отпивала кофе-эспрессо из крошечной фирменной чашечки с надписью «Лаватто». Чуть в стороне от нее плотный, красный, отдувающийся мужчина в расстегнутом зеленом плаще делал одновременно три дела: разговаривал по мобильному телефону, уничтожал целую тарелку бутербродов и смотрел по закрепленному под потолком телевизору показ мод.

Третьим посетителем был скромного вида худощавый мужчина с маленькой бородкой, в ак-

куратной черной куртке и кепке такого же цвета. Он неторопливо потягивал свежесжатый апельсиновый сок и внимательно просматривал газету «Коммерсант».

— А я вчера Генку встретила, — вполголоса общилась светловолосая официантка своей напарнице. Та ахнула, вытаращила густо накрашенные глаза и возбужденным шепотом спросила:

— Ну, и что он?

— А хоть бы что! Посмотрел сквозь меня, как сквозь витрину, и дальше пошел широкими шагами!

— Козел! А ты что?

— А что я? Сделала вид, что не узнала.

— Все они козлы! После всего, что у вас было...

— Я отдала ему свои лучшие годы! — воскликнула блондинка ненатуральным голосом мексиканской актрисы Вероники Кастро. — А он ушел из моей жизни и захлопнул за собой дверь!

Дверь кафе распахнулась, вошел плечистый бритоголовый мужчина лет тридцати, приблизился к стойке и негромко откашлялся.

— Что вам? — осведомилась официантка точно тем же голосом, которым только что рассказывала подруге о своих невзгодах.

— Я вас попрошу, девушки, — негромко проговорил мужчина, протягивая плотный конверт из хрусткой желтоватой бумаги. — Передайте этот пакет моему знакомому. Он придет через полчаса-час, спросит вас... Его зовут Дима... Мне его ждать некогда... а это вам за беспокойство... — он вместе с конвертом вручил официантке две сторублевые купюры.

— Ну ладно, — согласилась блондинка, сложив деньги, и спрятала конверт под стойку.

Бритоголовый вышел из кафе.

Мужчина, читавший «Коммерсант», положил газету на столик, достал из кармана куртки пачку сигарет «Данхилл», щелкнул матово сверкнувшей тяжелой зажигалкой, закурил.

— Ушел из моей жизни, как «Красная стрела» со станции Бологое! — продолжила официантка свой душераздирающий монолог.

— Все мужики козлы! — подала своевременную реплику ее благодарная слушательница.

За стеклянной стеной кафе, возле газетного лотка, со скучающим видом стоял длинный светловолосый парень в синей стеганой куртке. Он делал вид, что просматривает заголовки газет, однако то и дело посматривал в сторону кафе.

— Ну, ты будешь что-нибудь покупать? — недовольно спросил его лоточник. — Или так просто тут торчишь? Тебе что — делать нечего? Из-за тебя нормальным покупателям к товару не подойти!

— Да где ты их видишь — нормальных-то покупателей? — лениво огрызнулся парень. — Одни бараны командировочные!

В это время он заметил, что мужчина в черном за столиком кафе щелкнул зажигалкой и закурил. Прервав на полуслове завязывающуюся увлекательную беседу с газетчиком, парень отошел от лотка и двинулся вслед за вышедшим из кафе рослым бритоголовым типом.

— Сколько я за ним ухаживала! — продолжала официантка свой мексиканский монолог. — Сколько я с ним возилась! Сколько одних рубашек перестирала! Не то что его неряха-жена... От нее он вечно приходил как шахтер из забоя! Я его человеком сделала, а он вместо благодарности разбил мое сердце, как хрустальную вазу, и растоптал осколки!

Подруга восхищенно вздохнула и подперла щеку кулаком. Она бы ни за что не смогла так красиво и выразительно рассказать о своих собственных мелких неприятностях.

— Но все, на этом я закончу эту главу своей жизни! Я вычеркну его из списка знакомых и забуду номер его телефона! Я вырву его из своего сердца раскаленными пассатижами!

Подруга всхлипнула и вытерла невольной набежавшую слезу фирменной бумажной салфеткой с надписью «Леваццо».

Дверь кафе снова открылась. Вошел невысокий худенький юноша с длинными темными волосами и бледным лицом законченного программиста. Он растерянно огляделся по сторонам, поставил возле стены потертый кожаный портфельчик и подошел к стойке.

— Чего желаете? — заученно осведомилась блондинка, прервав свой увлекательный рассказ.

— Для меня тут должны были оставить конверт... — неуверенно проговорил программист. — Меня зовут Дима...

— Ах, вот это... — девушка вытащила конверт из-под стойки, протянула его парню и хотела тут же забыть и о конверте, и о его длинноволосом получателе.

Однако это ей не удалось.

Дальнейшие события больше всего напоминали страшный сон.

Едва парень взял в руки конверт и шагнул к выходу из кафе, худощавый мужчина в черной куртке вскочил из-за стола и бросился ему наперерез. Одновременно снаружи к стеклянной двери бросились еще двое — коренастый мужичок в кожаной куртке, до этого момента неторопливо прогуливавшийся вдоль перрона, вполголоса приговаривая: «Такси недорогое, недорогое такси не нужно...», и невысокий брюнет в вязаной шапочке.

«Программист» торопливо засунул конверт за пазуху, левой рукой выдернул из кармана что-то вроде брелка автомобильной сигнализации и надавил на кнопку. В то же мгновение его потертый портфельчик лопнул, как перезревший плод, выплюнув во все стороны сгустки огня и дыма. Чуть позже кафе заполнил чудовищный грохот. Стеклянная стена, возле которой стоял портфель, разлетелась на куски, осыпав стол и ближние столики тысячами мелких осколков. Мужчина в черном споткнулся на полпути, схватился за голову и упал, на него сверху рухнул легкий пластиковый стул. «Программист» Дима согнулся, прикрыл локтями лицо от летящих осколков и, как пловец, нырнул в пробитую взрывом брешь. Оказавшись на перроне, он тут же смешался с толпой пассажиров.

Официантки, перепуганные и оглохшие от взрыва, выглянули из-за стойки и в ужасе огляделись.

Кафе, их уютное, аккуратное, чистенькое кафе, выглядело как декорация к фильму «Терминатор».

Одной стены просто не было. Столики и стулья опрокинуты и засыпаны осколками стекла. Мужчина в черном неловко выбрался из-под обломков, стирая с лица кровь, и оглядывался по сторонам. Второй, плотный и красномордый, валялся на спине, беспомощно шевеля руками и ногами, как опрокинувшийся жук, и тоненько повизгивал от ужаса. И только в углу, за чудом уцелевшим столиком, миниатюрная старушка в твидовом пальто и черной шляпке с невозмутимым видом допивала свой кофе.

Наконец, к мужчине в черном пробрались двое его людей: «таксист» в кожаной куртке и брюнет в вязаной шапочке.

— Упустили? — мрачно спросил главный и тут же сам себе ответил: — Упустили!

— Вокзал перекрыт, — хмуро проговорил «таксист». — Наши люди на всех выходах... Никуда он от нас не денется!

— Никуда не денется? — насмешливо повторил главный. — Ты же видел, какой он шустрый парень! На вокзале, в суете, он запросто уйдет! Но людей на выходе предупреди, чтобы держали ухо остро!

Он внимательно огляделся по сторонам и поспешно вышел из разрушенного взрывом кафе. Как раз после его ухода подоспели двое из транспортной полиции. Старший, толстый, представительный, едва поспевал за своим более молодым и подвижным напарником.

— Здравсти, товарищ Сычин! — приветствовала толстого одна из официанток, та, что слушала мексиканские рассказы со слезами на глазах.

И хоть он прекрасно знал, что эта рыженькая Люся определенно имеет на него виды, но сейчас никак не отреагировал — дело серьезное, не до лирики тут...

— Ну, что тут у вас? — спросил он, отдуваясь.

— Сам не видишь? — рявкнула официантка, та, что только что так цветисто описывала свою неудавшуюся личную жизнь.

Как видно, от стресса все мексиканские переживания выветрились у нее из головы, и теперь девица выражалась как все нормальные люди.

— Абзац! — подытожил толстый полицейский и вызвал по переговорному устройству начальство, подкрепление и «Скорую помощь» для красномордого посетителя кафе. Сейчас его физиономия поражала своей бледностью, видно, и впрямь человека серьезно ранило.

— Окуньков! — крикнул толстый напарнику. — Погляди там вокруг, может, кто что заметил!

Старушка за угловым столиком внезапно прижала руки к сердцу и начала медленно заваливаться набок. В суматохе никто этого не заметил. Машина «Скорой помощи» подъехала прямо к дверям кафе, пострадавшего уложили на носилки, вынесли и поскорее повезли.

— Елки, а где же свидетели? — вскричал толстый полицейский. — Кто-нибудь объяснит, что тут стряслось-то?

Девицы хором, сбиваясь и всхлипывая, начали объяснять ему про пакет и про взрыв. Выяснилось, что народу в кафе почти не было, одного увезли раненого, второй сам сбежал до прихода полиции.

— Тут еще старушенция была, — вспомнила официантка, — такая... в шляпке... божий одуванчик...

Поглядели на угловой столик и только тогда заметили, что старушка как-то странно свесила голову набок и опрокинутая чашка валяется рядом.

— Е-мое! — заорал толстый полицейский и бросился к старухе, по дороге опрокидывая стулья.

Не то чтобы он сильно обеспокоился ее самочувствием, просто испугался, что бабулька окачурится в самый неподходящий момент и у него не останется свидетелей, а начальство с кого спросит? С него, с Сычина, оно и спросит. И по всей строгости спросит. Шуточное ли дело — взрыв на вокзале. Да еще на каком вокзале! Можно сказать, на самом главном в стране! Это же терроризм в чистом виде! Политическое дело! А свидетели — где они? Кто сбежал, кто в больнице. Есть еще, конечно, девки-официантки. Ну, этих-то он знает, как к свидетелям к ним доверия нет. У Таньки-балаболки одни только мыльные сериалы на уме.

Выяснилось, что старушка не окачурилась, а просто сомлела от страха, по крайней мере, внешне не наблюдалось на ней никаких ран и повреждений. От громкого голоса полицейского бабулька, надо полагать, очнулась. Она подняла голову и поглядела перед собой голубыми выцветшими глазами. Двое официанток захлопотали над ней, расстегнули твидовое пальто. Нарядная шляпка с перышком сейчас вовсе не выглядела кокетливой, она вообще валялась рядом на стуле. Серые, тщательно уложенные волосы

старушки несколько растрепались, она была очень бледна, руки дрожали.

Одна из девушек поила ее водой, вторая обмахивала полотенцем. Толстый полицейский Сычин в это время принимал рапорт от своего напарника Окунькова. Как он и предполагал, никто из свидетелей снаружи толком ничего не видел, но все дружно сходились на том, что кафе подорвали террористы. Поминали шахидов, Аль-Каиду и самого покойного Бен Ладена.

— Ох и грамотный у нас народ пошел! — вздохнул Сычин. — Телевизор много смотрят...

— Ну, что тут у вас? — подошел он к группе в углу. — Свидетель в порядке?

— Плохо ей, «Скорую» надо! — ответила девушка с полотенцем.

— Что, осколком попало или ударной волной оглушило? — деловито осведомился Сычин. — Вроде внешне не очень заметно...

— Просто от стресса, это же просто ужас какой-то, я сама от страха чуть сознание не потеряла. — Официантка со вкусом всхлипнула и выпила воду из старушкиного стакана.

— Окуньков! — крикнул полицейский. — Вызывай сей минут «Скорую» для свидетельницы!

— Не надо «Скорую», — встрепелась старушка, — мне уже лучше. Я на поезд опаздываю! Как раз сейчас посадка начинается!

— Вы, гражданка, — внушительно начал полицейский, — являетесь важным свидетелем террористического акта. Я вас имею право задержать для дачи показаний...

— Товарищ капитан! — взмолилась старушка, хотя толстый мент Сычин был только лейтенантом. — Ну я вас очень прошу! Мне так надо ехать! Я все равно ничего не видела, глаза-то подводят...

В доказательство она вытащила из небольшой и прилично выглядевшей дорожной сумки красивый кожаный футляр для очков.

— Набежали какие-то, что-то бросили — дым, грохот...

— Она и правда в стороне сидела, — сказала сердобольная Люся и искательно заглянула в глаза полицейскому, — товарищ Сычин, может, отпустите бабушку? Ей и так досталось...

Сычин поглядел в окно. Возле кафе собирались зеваки — те, что приходят уже после случившегося. Те люди, кто по невезению оказался близко от взрыва, давно уже убралась подальше, потому что никому неохота застрять в свидетелях надолго. Начальство тоже не появлялось, оно, как всегда, задерживалось.

— Не положено, — твердо сказал Сычин и поскорее выскочил из кафе, поскольку старушка уже собиралась заплакать.

Окуньков тоже вышел, потому что подъехала наконец машина с начальством. Официантка Люся наклонилась и прошептала что-то на ухо старушке. Та кивнула, нахлобучила кое-как свою шляпку на голову и подхватила не слишком тяжелую дорожную сумку. Люся вывела ее через служебный вход. Старушка пробралась между пустыми ящиками и мусорными бачками и устремилась к перрону. Как раз подали поезд «ЭР-200». Проводница подозрительно

поглядела на всклокоченные волосы старушки и провисшее перышко на шляпе, но голубые выцветшие глаза смотрели так доброжелательно, что проводница улыбнулась в ответ.

Долговязый блондин в синем пуховике уже полчаса таскался по улицам, стараясь не потерять из виду свой объект — бритоголового типа, по следу которого его пустили возле вокзального кафе. Объект явно чувствовал слежку: он кружил по одним и тем же местам, менял направление, оставливался возле витрин, делая вид, что завязывает шнурки, и оглядывая улицу за своей спиной. При этом он не покидал район трех вокзалов. Наверняка у него где-то поблизости был оставлен автомобиль, но он не хотел садиться в него, не избавившись от «хвоста», ведь по номерам его затем запросто смогут вычислить. Вот он и кружит, пытается затеряться в толпе.

Блондин по всем правилам наружного наблюдения сохранял дистанцию, не теряя контроля ситуации, то и дело останавливался возле газетных лотков, прятался за киосками. Ему немного мешал высокий рост, делавший его заметным в любом скоплении людей.

«Объект» снова свернул в переулок и вскочил в подъехавший троллейбус. Блондин изо всех сил припустил следом и едва успел втиснуться между захлопывающимися дверями.

— Куда лезешь, чумовой! — пожурила его толстая бабка в мохеровом берете. — Сорвешься же! Будешь потом всю жизнь на лекарства работать!